

Г.Р. Дуз-Оглы* , Н.Т. Едренова , Э.А. Сейтказы

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
*e-mail: duzoglyg@gmail.com

ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТИ И.А. ОДЕГОВА «КРЫЛАТАЯ НЕВЕСТА МАХДИ»

Статья посвящена анализу транскультурного пространства в повести казахстанского писателя И.А. Одегова «Крылатая невеста Махди» как характерного примера русскоязычной литературы Казахстана. Автор статьи опирается преимущественно на современные концепции транскультурности (В. Вельш, Х. Бхабха, У.М. Бахтикеева, Э.Ф. Шафранская и другие современные исследователи). Кроме того, автор рассматривает повесть как особую художественную модель, в которой попеременно взаимодействуют различные культурные коды, формы коллективной памяти, а также элементы различного характера локальной казахской традиции. В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать, каким образом в тексте соединяются городская и степная культуры, традиционные и современные мировоззренческие практики, а также проявляется «пограничная» позиция наблюдателя-медиатора. Особое внимание в статье уделяется языковой гибридности, культурным архетипам, хронотопу и различным образам, формирующим транскультурную художественную реальность. Кроме того, в статье приводятся аргументы в пользу того, что повесть И.А. Одегова функционирует как особое пространство культурной гибридности и диалога, и отражает специфику современного литературного процесса Казахстана. В работе обосновывается тезис о том, что транскультурность в тексте реализуется преимущественно на структурно-поэтическом уровне, формируя особую систему художественных смыслов. Полученные выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении русскоязычной литературы Казахстана.

Ключевые слова: транскультурность, русскоязычная литература, И.А. Одегов, пограничная литература, диалог культур.

Г.Р. Дуз-Оглы*, N.T. Yedrenova, E.A. Seytkazy
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
*e-mail: duzoglyg@gmail.com

The Transcultural Space in I.A. Odegov's Novella "The Winged Bride of Mahdi"

The article examines the transcultural space of I.A. Odegov's novella "The Winged Bride of Mahdi" as a characteristic example of Kazakhstan's Russian-language literature. Drawing on contemporary theories of transculturality (W. Welsch, H. Bhabha, U.M. Bakhtikireeva, E.F. Shafranskaya, and others), the analysis interprets the novella as an artistic model in which various cultural codes, forms of collective memory, and elements of local Kazakh tradition interact. The study highlights the convergence of urban and steppe cultures, the coexistence of traditional and modern worldviews, and the role of the mediator-observer situated at the cultural boundary. Special attention is paid to linguistic hybridity, cultural archetypes, the chronotope, and narrative images shaping transcultural artistic reality. It is shown that I.A. Odegov's novella functions as a space of cultural hybridization and dialogue, reflecting the distinctive nature of Kazakhstan's contemporary literary process. The article substantiates the thesis that transculturality in the text is realized not only at the thematic level but also at the structural-poetic level, thereby forming a distinctive system of artistic meanings. The findings may be applied in further research on Kazakhstan's Russian-language literature as well as in teaching courses on contemporary literature and theories of transculturality.

Keywords: transculturality, Russian-language literature, I.A. Odegov, borderland literature, dialogue of cultures.

Г.Р. Дуз-Оглы*, Н.Т. Едренова, Э.А. Сейтказы
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан
*e-mail: duzogly@gmail.com

И.А. Одеговтың «Крылатая невеста Махди» повесіндегі трансмәдени кеңістік

Мақала И.А. Одеговтың «Махдидың қанатты қалыңдығы» повесіндегі трансмәдени кеңістікті талдауға арналған. Зерттеу қазіргі қазақстандық орыс тілді әдебиетінің ерекшеліктерін айқындай отырып, трансмәдени құбылысты В. Вельш, Х. Бхабха, У.М. Бахтикиреева, Э.Ф. Шафранская және басқа да ғалымдардың тұжырымдамалары негізінде қарастырады. Повесть әртүрлі мәдени кодтардың, ұжымдық жад формаларының және қазақтың жергілікті дәстүрлі элементтерінің өзара әрекеттесуінен туындайтын көркем модель ретінде сипатталады. Зерттеуде мәтіндегі қалалық және дала мәдениеттерінің тоғысуы, дәстүрлі және заманауи дүниетанымдық тәжірибелердің қабаттасуы, сондай-ақ мәдениеттер шекарасындағы медиатор-бақылаушы бейнесі талданады. Тілдік гибридтілік, мәдени архетиптер, хронотоп және трансмәдени көркем шындықты құрайтын бейнелерге ерекше назар аударылады. Жұмыс И.А. Одегов повесінің мәдени гибридтену мен диалог кеңістігі ретінде қызмет ететінін, сондай-ақ қазіргі қазақстандық әдеби үдерістің айрықша табиғатын танытатынын көрсетеді. Мақалада мәтіндегі трансмәдени құбылыстың тек тақырыптық деңгейде ғана емес, құрылымдық-поэтикалық деңгейде де жүзеге асатыны, соның нәтижесінде көркем мағыналардың ерекше жүйесі қалыптасатыны негізделеді. Жүргізілген талдау мәдени «шекаралық» кеңістіктегі тұлғалық бірегейліктің репрезентациялану тетіктерін айқындайды. Алынған тұжырымдар Қазақстандағы орыс тілді әдебиетті одан әрі зерттеуде және қазіргі әдебиет пен трансмәдениет теориясы мәселелеріне арналған оқу курстарында пайдаланылуы мүмкін.

Түйін сөздер: трансмәденилік, орыс тілді әдебиет, И.А. Одегов, шекаралық әдебиет, мәдениеттер диалогы.

Введение

На протяжении последних десятилетий формируется такой самостоятельный и динамично развивающийся художественный феномен как русскоязычная литература Казахстана. Данная литература соединяет в себе традиции советской и постсоветской литературной школы, модели национальной художественной культуры, а также новейшие практики письма, характерные для глобализованного и медиализованного общества XXI века.

Выбор темы настоящего исследования, связанный с анализом транскультурного пространства повести, обусловлен особенностями современного литературного процесса Казахстана, в котором русскоязычная литература занимает особое, исследовательски сложное и концептуально значимое место. Теоретическое осмысление русскоязычной литературы Казахстана всё ещё остаётся неполным, так как отсутствует единая концептуальная модель её анализа, а также недостаточно проработаны категории, позволяющие описать её гибридную природу. Таким образом, актуальность темы определяется необходимостью рассмотреть русскоязычную литературу Казахстана в рамках нескольких тер-

минологических подходов на примере повести И. Одегова «Крылатая невеста Махди». Цель исследования – выявить и обосновать особенности транскультурного пространства повести И. Одегова, показав, как в тексте взаимодействуют различные культурные коды и каким образом формируется гибридная художественная реальность.

Русскоязычная литература Казахстана ставит перед собой сложную художественную задачу: она описывает и интерпретирует многонациональную, поликультурную и исторически сложную реальность современного Казахстана средствами русского языка. При этом роль русского языка также важна: он становится маркером этнической принадлежности, а также инструментом культурной коммуникации и средством выражения локального опыта. «Русскоязычная литература Казахстана представляет собой часть литературного процесса как Казахстана, так и России и тесно связана с евразийской идеей» (Джолдасбекова, 2014: 3). Феноменальность данного направления проявляется в такой «гибридности» повествовательных форм, смешении жанров, диалогичности культурных систем и постоянном поиске новых способов репрезентации национальной идентичности.

Термин «русскоязычная литература Казахстана» возник вследствие поисков подходящего понятия, способного обозначить и определить художественную позицию авторов, пишущих на русском языке вне русской культурной традиции. Это позволяет прийти к выводу о том, что под русскоязычной литературой Казахстана понимается любой казахстанский художественный текст, принадлежащий казахстанскому историко-культурному контексту, но написанный средствами русского языка. Тем не менее, с развитием многоязычных обществ, активным культурным диалогом и процессами миграции, а также расширением постколониальных исследований данный термин стал вызывать всё больше вопросов у исследователей, которые ставят под сомнение его устойчивость, аргументируя это тем, что он фиксирует лишь языковую сторону явления, не отражая многообразие культурных, исторических и социальных оснований текста. Исследователь Э.Ф. Шафранская также критикует данный термин, считая, что он «неудачный, нелогичный», обосновывая это тем, что русские писатели также являются русскоязычными, однако термин не учитывает этот фактор (Шафранская, 2023:57). Тем не менее, русскоязычная литература Казахстана как явление не ограничивается средствами русского языка: стилистический анализ любого «русскоязычного» казахстанского текста показывает активное употребление лексики казахского языка, а также культурно нагруженных единиц, характерных для казахской ментальности. Так, например, к активной лексике повести «Крылатая невеста Махди» И. Одегова относятся: *аул, корпешка, имам, конактар, салем, беш, жарканат, кубырмак, кобыз* – то есть слова, образованные в языковой системе казахского языка. При этом способы взаимодействия культурных знаков, моделей поведения и ценностных систем, формирующих художественное пространство произведения, куда важнее «сухого» уточнения языка его написания. Писатель и исследователь русскоязычной литературы Казахстана А.Ж. Жаксылыков говорит о данном феномене как об уникальном объекте для исследования, который «не имеет привычных нам по прежней эпохе стандартных методов, хорошо изученных жанров и стилей, узнаваемых мировоззренческих шаблонов и стереотипов», указывая на «сложность форм, новых ориентаций, поисков методов и стилей с учётом развития мировой литературы» (Жаксылыков, 2023: 5).

Материалы и методы

Материалом настоящего исследования выступает повесть Ильи Андреевича Одегова «Крылатая невеста Махди», входящая в авторский цикл «Кочевые повести» и представляющая собой яркий пример «русскоязычной» прозы Казахстана. Выбор настоящего произведения обусловлен тем, что творчество И. Одегова формируется «на границе» культур и идентичностей. Биографически и этнически принадлежа к русской культуре, Одегов в то же время художественно и концептуально укоренён в казахстанском контексте. При этом проза Одегова построена на попытке писателя осмыслить такую жизнь в «пограничном» пространстве, где локальная культура не противопоставляется русской, а существует в постоянном диалоге, переходах и «перетеканиях». Кроме того, на выбор произведения повлияла индивидуально-авторская концепция Одегова, заключающаяся в создании текстов, в которых реальные социальные проблемы, коллективные ожидания, а также образы памяти, перерастающие в культурные архетипы, переплетаются с элементами притчевости, символизма и универсальных сюжетов, характерных для мировой литературы. Одегов поднимает вопросы малых сообществ, переживающих культурные разломы различного характера, вопросы человека, находящегося в состоянии неопределённости, поиска и ожидания перемен. В этом контексте нас и привлекла повествовательная манера Одегова, проявляющая внимание к «пограничным состояниям» между городом и степью, традицией и современностью, индивидуальным опытом и коллективным сознанием. Это позволяет рассматривать повесть «Крылатая невеста Махди» как художественную модель **«транскультурного пространства»**, в рамках которого взаимодействуют различные культурные системы, формы коллективной памяти, а также локальные и универсальные мотивы.

Методологическую основу исследования составляют преимущественно современные подходы к анализу транскультурности как культурной и литературной категории. В настоящей статье используются положения Вольфганга Вельша о транскультурности как о гибридном, динамичном пространстве культурного взаимодействия, а также «альтернативном понимании культуры, сфокусированном на взаимосвязанности и неоднородности культур» (Вельш, 1995: 37), идеи Х. Бхабхи о «пограничности» и «тре-

тьем пространстве», концепции, подчёркивающие диалогическую природу художественного слова, а также теоретические разработки в области русскоязычной литературы постсоветских стран как пространства пересекающихся культурных практик. Кроме того, методологическая база статьи включает труды отечественных и российских исследователей, изучающих феномен русскоязычной литературы как контактного и транслингвального явления. Анализ повести «Крылатая невеста Махди» проводится преимущественно с опорой на положения теории транскультурации О.В. Курбачева, концепции контактной литературы Б.Б. Каучру, исследования русскоязычия и билингвизма Э.Ф. Шафранской, У.М. Бахтикиреевой и Н.Л. Лейдерман.

К основным методам исследования отнесём следующие: *структурно-семантический, культурологический, нарратологический, контекстуальный, сравнительно-типологический*.

Использование данных методов и приёмов анализа художественного произведения с опорой на авторитетные труды известных учёных обеспечивает целостное рассмотрение повести «Крылатая невеста Махди» в её транскультурном измерении и позволяет выявить механизмы художественного взаимодействия культур, определяющие специфику той литературы, которая в настоящее время обозначена как «русскоязычная».

Обзор литературы

Теоретический фундамент исследования транскультурности заложен в работах Вольфганга Вельша, который впервые предложил рассматривать современную культуру в виде сетевой структуры, характеризующейся поперечной маневренностью и гибридностью (Welsch, 1995). Тем не менее, концепция Вельша, являясь, с одной стороны, философским обоснованием «трансверсального разума», с другой – требует адаптации при переходе к глубокому литературному анализу. Данную адаптацию обеспечивает в своих трудах исследователь Хома Бхабха, идеи которого о «локации культуры» и «третьем пространстве» рассматривают «пограничное» состояние субъекта в качестве ресурса для порождения новых смыслов (Bhabha, 1994).

Отметим также, что в лингвистическом аспекте методология исследования опирается на теорию «мировых вариантов» Брайана Качру, обосновавшего право локальных версий

языка на автономное эстетическое существование (Kachru, 2012). В постсоветском пространстве данный подход был развит исследователем У.М. Бахтикиреевой, которая обращается к «русскоязычию» как междисциплинарной проблеме, в которой язык – эффективное средство сохранения этнической идентичности в иноязычной среде (Бахтикиреева, 2015). Данная картина, в свою очередь, дополняется исследователем Н.Л. Лейдерманом, который характеризует русскоязычную литературу как уникальный «перекрёсток культур», в котором происходит фундаментальный диалог нескольких художественных кодов.

Специфика транскультурного письма в XXI веке подробно систематизирована в трудах Э.Ф. Шафранской, которая ввела в научный оборот категорию транскультурной литературы как пространство «букв, памяти и языка», в котором автор оперирует множественными культурными кодами (Шафранская, 2023, 2024).

Определённым образом данные идеи пересекаются с концепцией М.В. Тлостановой, предпринявшей попытку связать эстетику транскультурации с «постсоветским состоянием» и поиском субъектности в ситуации «между мирами» (Тлостанова, 2004).

Казахстанский контекст русскоязычной литературы Казахстана представлен в трудах Б.У. Джолдасбековой, которая говорит о ней как о целостном феномене с собственной генеалогией (Джолдасбекова и др., 2014). А.Ж. Жаксылыков несколько углубляет данный анализ, исследуя архетипические пласты и нарративные стратегии современных авторов, позволяющие видеть в их текстах преемственность (Жаксылыков, 2023). Вопросы жанровой трансформации и реализации реалистического канона в молодой прозе Казахстана поднимаются в работах Г.К. Тилеубай и К.О. Таттимбетовой, что позволяет говорить о жанровом своеобразии анализируемой повести (Тилеубай, Таттимбетова, 2023).

Непосредственно малая проза Ильи Одегова является объектом внимания исследователей Ж.Г. Темировой и А.Д. Жакупова, которые рассматривают повесть «Крылатая невеста Махди» как яркий пример транскультурных практик, в которых происходит синтез западных и восточных ментальных установок (Темирова, Жакупова, 2023).

Тем не менее, данная повесть, в связи со своей высокой художественной значимости и сложностью символической структуры, всё ещё нуж-

дается в детальном прочтении сквозь призму механизмов транскulturации, предложенных О.В. Курбачёвым, и анализа лирической поэтики в духе концепций З.К. Темиргазиной (Темиргазина, 2021).

Результаты и обсуждение

В настоящее время вокруг термина «русскоязычная» ведутся активные научные дискуссии. С целью заполнения известных пробелов исследователи предлагают различные альтернативы, стремясь точнее обозначить культурную многослойность и гибридность литературного процесса. Среди таких предложений отметим, на наш взгляд, наиболее «удачные»: «пограничная», «контактная», «транслингвальная», «транскультурная» литература. Отметим, что каждый из предложенных вариантов ставит определённый исследовательский акцент. Так, например, термин «пограничная» литература говорит о пространстве между этносами и традициями; «контактная» литература – о диалоге и пересечении культурных систем, «транслингвальная» – о языковой множественности, «транскультурная» – о культурной гибридизации. Х. Бхабха определяет пограничность как «понятие, описывающее пространство перехода, неопределённости, «между» культурами, идентичностями, состояниями» (Бхабха, 1994). В свою очередь, определение подобного феномена как «контактной» литературы вытекает из трудов Брайана Б. Качру, который приходит к выводу о том, что перед нами литература, возникшая в результате языковых контактов. Исследователь утверждает, что «языковые изменения в результате контакта языков не ограничиваются грамматикой, лексикой, стилем и дискурсом», а «выходят за пределы данных уровней системы языка, затрагивая литературное творчество представителей разных культур» (Качру, 2012: 155). При этом справедливо заметить, что данные термины не конкурируют, а, напротив, взаимодополняют друг друга, демонстрируя богатство исследовательских подходов к художественным практикам, рождающимся в условиях культурного многообразия Казахстана. В данном контексте литература оказывается пространством сложной культурной навигации, где пересекаются локальные, национальные и универсальные смыслы.

Интересующий нас термин «транскультурная литература» впервые был предложен российским исследователем У.М. Бахтикирее-

вой, которая также склоняется к определению «транслингвальная», говоря о развитии литературы «в условиях языкового контакта и коллективного билингвизма» (Бахтикиреева, 2015: 95). Исследователь Э.Ф. Шафранская дополняет данное определение, называя данный особый литературный пласт «русофонной транскультурной литературой» (Шафранская, 2024:7). Причём исследователь Н.Л. Лейдерман утверждает: «Русскоязычная литература – перекрёсток культур». В своём одноимённом труде автор показывает, что «на одном полюсе» такой литературы – «русская культура», а на другом – «культура одного из народов империи» (подразумевая СССР). При этом автор проводит аналогию с циклом бессмертного классика Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», отмечая, что он возник «в своё время «на стыке» русской и украинской культур» (Лейдерман, 2015).

Повесть «Крылатая невеста Махди» представляет собой яркий пример подобной поэтики: в ней соединяются элементы локального культурного опыта, притчевые мотивы различного характера, универсальные образы ожидания и надежды, а также сюжет о свидетеле и посреднике – человеке, чья профессия и внутренняя позиция позволяют ему видеть процессы, происходящие в сообществе «изнутри» и «извне» одновременно. Исследователи Г. Темирова и А. Жакупова, обращаясь к прозе И. Одогова, отмечают ряд признаков её «пограничной» поэтики, куда входят «устойчивое внимание к двуязычию/транслингвизму автора, к «переездам» символов из одной культурной семантики в другую, к устойчивым образам казахской языковой культуры, которые встраиваются в русскоязычный нарратив без потери «акустики» исходного кода» (Жакупова, 2023: 71).

В этой связи произведение оказывается продуктивным объектом для анализа транскультурного пространства, позволяющего исследовать различные механизмы художественного взаимодействия культурных систем в современной русскоязычной литературе Казахстана. В контексте данного произведения особенно актуальна точка зрения исследователя О.В. Курбачёва, который говорит «о принципиальной невозможности существования «чистых» культур» (Курбачев, 2015). Прежде, чем мы перейдём к анализу «Крылатой невесты Махди» как примера текста транскультурного пространства, рассмотрим понятие транскультурности и как оно отражено в современной гуманитарной науке.

Категория транскультурности в современной гуманитарной науке используется преимущественно для обозначения процессов взаимодействия, взаимопроникновения, а также преобразования культурных кодов, происходящих в условиях глобальности, миграции, многоязычия и гибридизации социальных практик. В этом контексте следует отличать «транскультурность» от «межкультурности». Если межкультурность предполагает диалог разных, но относительно стабильных культурных систем, то транскультурность подчёркивает размывание границ между ними, в результате чего возникают «переходные зоны», новые смысловые образования, не принадлежащие ни одной культуре в чистом виде.

У. Вельш описывал транскультурность как пространство, в котором культура совершенно не фиксирована и не замкнута – она существует в постоянном движении, смещении, конструировании новых форм из элементов разных культурных традиций. Для такого пространства характерна гибридность, а также множественность идентичностей в связи с соединением локального и универсального, а также редуцирование жестких оппозиций между «своим» и «чужим».

В литературоведении транскультурное пространство представлено в виде художественной модели, характерными чертами которой являются:

- 1) сосуществование различных культурных систем;
- 2) представление локального опыта через универсальные и интеркультурные мотивы;
- 3) репрезентация различного характера культурных переходов через персонажей и события художественного произведения;
- 4) становление языка средством выражения исторического опыта, не ограниченного одной этнокультурной системой;
- 5) появление фигуры «медиатора», выступающего в роли наблюдателя, способного действовать на границе культурных миров.

Подобная ситуация и наблюдается в повести «Крылатая невеста Махди» Ильи Одегова, что даёт достаточные основания говорить о её транскультурном характере. При этом первое, на что мы обращаем внимание при исследовании повести, – описание в тексте различных культурных систем. Так, например, провидец Кудайберген описывает особенности веры казахстанского общества: *«Все мы язычники. Один Бог триедин, а всё равно народ молится кому захочет. Вот, к*

примеру, у нас в соседнем посёлке церковь. Сама маленькая, зато внутри всё в иконах. Я своими глазами видел, мы дружим с Володей, отцом Владимиром, который там всем заведует. Икон сто, наверное... И наши, в общем, такие же, мусульмане. Правда икон в мечети нет. Зато могилы святых встречаются... У каждого свои свойства, своя ответственность... А суть-то не меняется» (Одегов, 2020).

Предлагаем рассмотреть хронотоп повести Ильи Одегова. Технологический уровень развития, описанный в повести, позволяет говорить о том, что действие происходит во время, близкое к современности, то есть в двухтысячные годы. Так, например, Игорь приезжает на автобусе, который «кряхтит, рычит, но заводиться не хочет»; утверждение о том, что в ауле «нет водопровода, газа, до больницы далеко», говорит о том, что всё это уже есть в городе, а значит, в повести описываются реалии, характерные для современных отдалённых регионов Казахстана или сельской местности. Тем не менее, некоторые культурные элементы произведения позволяют говорить о «вневременности» пространства. Так, например, повесть наполнена традиционными казахскими элементами, среди которых отметим мотив казахского гостеприимства, ритуалы, ожидание знаков и пророчеств, а также традиционные образы: мулла, ясновидящий, Махди, которые, как правило, не имеют строгой временной привязанности к определённому историческому периоду, но функционируют в роли культурных архетипов. Особо отметим категорию *гостеприимства* казахского народа, переходящую в культурный концепт, так как проявляется на уровне сознания. В этой связи показательны высказывания Еркебулана, обращённые к Игорю, разъясняющее многое: *«Ты думаешь, наверное, что у нас тут всегда пир горой, – сказал Еркебулан. – Да? Думаешь, что у нас тут еды невпроворот? Что мы барана каждый день режем?»*, *«Нет. Просто ты – гость. И тебе на стол всё самое лучшее подадут. Не потому, что ты журналист или ещё что. Просто гость»* (Одегов, 2020). Из диалога видно, что Еркебулан воспринимает Игоря как представителя иной культуры, в связи с чем считает необходимым объяснить собеседнику основные мотивы поведения своего народа, являющиеся частью казахской культурной самобытности. Кроме того, открыв Игорю двери своих домов, местные как бы «автоматически» открыли ему и души, и если проявление гостеприимства никак не связано с профессией Иго-

ря, то повествование о тягестях жизни имеет к ней прямое отношение, причём здесь важно, что журналист – не местный, а значит, может взглянуть на проблему «со стороны» и представляет из себя «внешнюю» помощь. Так, в другой ситуации Еркебулан произносит: *«Хорошо здесь, правда? Хорошо, воздух сладкий, птицы поют. Хочешь – в речке купайся, рыбу лови. Всё своё. Только жизни для человека нет»* (Одегова, 2020). Причём в связи с тем, что люди отчаялись в ожидании спасения, теперь они ждут его только от высших сил, что обуславливает и ожидание Махди: *«Человеку ведь, чтоб что-то сделать, энергия нужна. А энергия только от веры может быть. Иначе откуда?»* (Одегов, 2020).

Такие особенности, в свою очередь, создают эффект «порогового» времени, в котором существует прошлое и настоящее, что, в свою очередь, характерно для транскультурного (или пограничного) пространства. Исследователи транскультурности также единогласно приходят к выводу о том, что пространство в таких текстах нельзя отнести к чисто историческому или документальному, так как оно выполняет, скорее, метафорические и символические функции и является размытым, так как в задачи автора не входит точное датирование событий – он создаёт условное пространство, которое переходит в категорию «вечного». Подобный «смещённый» условный фон является элементом транскультурного пространства, усиливающим символическую значимость произведения. Об этом говорит и исследователь Н.В. Толстанова, по логике которой «эстетика транскulturации реализуется в формах своеобразного диалогизирования, которое проявляется и внутри произведения, и внутри субъектности его героев, и в сфере интертекстуальности, во взаимоотношениях между произведением и читателем» (Толстанова, 2004: 15).

Кроме того, действие повести разворачивается в культурной среде, где происходит взаимодействие разных типов опыта – городского и степного, традиционного и современного, локального и глобального. При этом сам автор не стремится противопоставить культуры. Напротив, он показывает их взаимопроникновение, постепенное преобразование и способность рождать новые смыслы. Таким образом, транскультурность текста проявляется на нескольких ключевых уровнях:

1) В связи со «внешней» и «внутренней» авторской позицией, сформированной в связи с

тем, что Илья Одегов, биографически принадлежащий русской культурной традиции, сформировался в казахстанской культурной среде. Это делает его одновременно наблюдателем чужой для него этнокультурной традиции и её непосредственным участником, включённым в это пространство. Подобный тип наблюдателя характерен для транскультурного письма.

2) Определение локуса повествования как «пограничной зоны» в связи с тем, что повесть помещена в небольшое сообщество, где всё ещё живы старые культурные практики, а современные реалии требуют новых форм поведения, так как ожидания перемен сосуществуют с инерцией местной жизни.

3) Изображение культурного пространства произведения лишено этнографизации, так как писатель стремится показать культурные коды как живые элементы социального опыта. Среди таких «кодов» выделим *казахстанское гостеприимство, коллективность мышления, ожидание «спасителя», глубокую веру, цикличность времени и общность судьбы*. Данные «коды» в повести также выступают в качестве универсальных культурных форм, интерпретируемых вне узконационального контекста.

4) Функционирование в повести так называемого «мотива Махди», характеризующегося не как религиозная догма, а как культурный архетип ожидания и механизм объяснения необъяснимого, а также способ структурирования хаоса в жизни. Таким образом, в транскультурном пространстве повести «Крылатая невеста Махди» Махди становится культурным знаком обновления, а герой, воплощающий его в повести, – медиатором изменений.

В свою очередь, исследователь З.К. Темиргазина выделяет два уровня репрезентации транскультурности в художественном тексте: 1) «внешнетекстовый уровень», включающий «этническую и культурную самоидентификацию автора, тематическое содержание, иноязычные вкрапления (экзотизмы, вставки)»; 2) «внутри-текстовый уровень», в который входят «словесные образы», «гибридные, культурные каноны и коды», «символи» (Темиргазина, 2021: 32).

Данные уровни дают нам основание трактовать содержание и символику повести Одегова в связи с её транскультурными особенностями в следующем ключе. Повесть «Крылатая невеста Махди» строится как многоуровневое художественное пространство, в котором различные культурные системы – локальные, наднацио-

нальные, текстуальные и символические – вступают в динамическое взаимодействие и взаимопроникают друг в друга. Трансформация первичных смыслов, в свою очередь, происходит именно как результат такого взаимодействия, когда элементы одной культурной традиции переосмысливаются через призму другой, в связи с чем возникает «пограничное» художественное поле, характерное для русскоязычной литературы Казахстана. Илья Одегов как представитель такой литературы сознательно размывает эти границы и выстраивает повествование таким образом, что читатель постоянно перемещается между несколькими пластами текста: *историческим, мифопоэтическим, социальным, бытовым, философским*. Подобное чередование, как правило, не имеет жёстких переходов, однако способствует тому, что культурные коды, присутствующие в произведении, не закрепляются за отдельными группами, а находятся в состоянии постоянного обмена, перетекания и переосмысления. В конечном итоге это приводит к тому, что фигуры и мотивы, которые в тексте, не представляющем собой транскультурное пространство, могли бы быть прочитаны исключительно в религиозном или этнокультурном контексте, у Одегова выступают как универсальные культурные метафоры. Иными словами, Одегов сознательно снимает маркеры принадлежности, переводя сакральное в категорию культурной символики. В таком контексте образ Махди, являющийся важной категорией исламского дискурса, в повести функционирует как культурный код «ожидаемого спасителя», широко распространённый в традициях многих народов, переживших кризисные моменты. Это говорит о синтезе разных культурных кодов в предложенном Одеговым мировосприятии, где стираются границы между «своим» и «чужим», а также о том, что транскультурность может проявляться не только на уровне тематических или стилистических решений, но и как принцип авторского художественного мировидения, структурирующего повесть. Тем не менее, фигура Махди также заслуживает тщательного рассмотрения.

В повести Одегова Махди, безусловно, получает не буквальное догматическое воплощение, а, скорее, форму метафоры, в которой сакральный архетип приобретает земной облик в лице Игоря. Подобное метафорическое замещение в произведении функционирует как художественный приём, позволяющий исследовать механизмы переноса сакрального смысла в повседневную

реальность. В тексте повести истинный Махди, подразумеваемый исламской религиозной традицией, так и не появляется, что также служит одним из подтверждений настоящей гипотезы. В то же время ясновидящий принимает за Махди журналиста Игоря, однако Игорь не воспроизводит канонический образ Махди: он не подходит под это описание ни по внешним, ни по национальным факторам. Тем не менее, Игорь – журналист, а данная профессия, как известно, часто выполняет посреднические функции и служит «мостом» между обществом и властью: журналисты издревле связаны со смелым освещением замалчиваемых проблем, фиксацией социальной реальности и её невидимых травм. В казахской истории всегда с большим уважением относились к журналистам и их деятельности, считая их «голосом» немощного и обесившего народа. Так же и Игорь выступает как символический субъект, способный озвучить то, что уже продолжительное время остаётся невысказанным. Подобная коммуникативная миссия журналиста позволяет говорить о том, что Игорь является потенциальным носителем «спасительного» смысла, однако не в религиозном, а в культурно-социальном плане. Кроме того, именно присутствие Игоря способствует формированию транскультурного пространства повести, так как его приход выступает своеобразным импульсом, побудившим озвучить коллективные запросы и надежды общества. Подобная метафора позволяет говорить о присутствии четырёх основных пластов в повести: с одной стороны, это эхо исламского ожидания мессианского, воплощающее идеи о приходе и восстановлении справедливости; с другой – это казахские модели коллективного опыта, среди которых ритуальные формы, мотив гостеприимства, структура общественного взаимодействия и способы интерпретации «знаков» и сверхъестественного; с третьей – это постсоветский контекст, включающий модели светского мышления, прагматические практики и особую историческую травму ожиданий социальных перемен (часто нереализованных); с четвёртой – это индивидуальная мифологизация, включающая в себя субъективные установки и психологические проекции героев, что придаёт образу Игоря личностную плотность, превращая общественное ожидание в личную драму и наоборот. Именно на стыке таких пластов и образуется транскультурный смысловой узел, где мотив Махди переходит в образ журналиста как культурный и психологический феномен.

Кроме того, вполне показательно то, что на ранних этапах повествования Одегов ставит акцент на чувствах и впечатлениях Игоря, показывая, что герой не стремится стать частью описываемого общества, а лишь уважительно ведёт себя с его членами. Его отношение к тому миру остаётся настороженным и характеризующимся желанием как можно скорее покинуть его. Усилил эффект пережитый героем страх, ощущение чуждости и непредсказуемости ситуации, что сформировало у Игоря устойчивое намерение «вернуться к нормальной жизни» и выйти из хаотичного мира. Тем не менее герой, хочет он этого или нет, всё-таки становится частью этого пространства и неожиданно для самого себя понимает, что уезжать ему больше не хочется. Данное признание особенно важно в контексте транскультурного пространства, так как оно фиксирует переход Игоря от роли внешнего наблюдателя к полной вовлечённости. Такое изменение не мотивировано явным внешним фактором, но является внутренним распознаванием смысла, который удерживает его в пространстве повести. С точки зрения сравнительного подхода подобный сюжетный поворот позволяет провести аналогию с чеховскими рассказами-открытиями, основной особенностью которых является озарение-потрясение главного героя. О сходстве говорит и то, что подобное озарение героя у Чехова происходит после переломного события, разделившего жизнь на «до» и «после»: «под влиянием того или иного неожиданного события человек как бы внезапно прозревает и оказывается, что те чувства, которые глубоко были запряваны, внезапно прорываются наружу» (Гасымова, 2010: 9). Так, например, в «Студенте» это разговор об Иуде и Христе, в «Житейской мелочи» – первая пережитая ребёнком ложь, в «Тапёре» – унижение, а у Одегова в «Крылатой невесте Махди» – страх и отчаяние превратили Игоря в носителя ответственности: герой, наконец, осознал, что имеет силу, способную изменить жизнь горожан в лучшую сторону. С данной точки зрения нежелание Игоря уезжать является символом его «спасительной» и «просветительской» силы, которой обладает традиционный Махди. Таким образом, Одегов достигает транскультурного эффекта, соединяя русскую литературную и исламскую религиозную традиции, в результате чего «спасение» в данном ключе трактуется не через мессианское предопределение, а через постепенную трансформацию субъективного опыта, а Игорь – как «агент перемен».

Следует заметить, что другие герои повести также понимают сакральное сквозь призму повседневности: молитвенные и пророческие мотивы активно переплетаются с бытовыми практиками, ожиданиями, страхами и прагматическими разговорами о будущем. В результате такого восприятия любой религиозный образ в повести не столько подтверждает свою абсолютную трансцендентность, сколько подвергается процессу «перевода» в культурные, бытовые и эмоциональные коды и становится примером объяснительной модели для случайностей и невезений, а также выступает инструментом упорядочения хаоса социального опыта. Таким образом, образ «Махди» также служит медиатором между обыденностью и сакральным ожиданием, причём образ «крылатости» вписывается в русское и казахское культурное воображение, в связи с чем становится пространством их взаимодействия. Подтверждает эту гипотезу аналогия, которую проводит Игорь, впервые услышав легенду о «жарканат»: «*Жарканат... Это же почти жар-птица*» (Одегов, 2020). Кроме того, в повести Одегова «крылатость» символизирует соотношение личного и коллективного, так как соединяет в себе современное и традиционное, показывая, как архетипы прошлого получают новую жизнь в условиях современности. Подобная множественность принадлежностей делает символ «крылатой невесты» идеальным маркером транскультурного хронотопа повести.

Предлагаемая гипотеза интерпретирует Игоря как не столько «буквального» Махди, сколько как культурный и психологический механизм, позволяющий транслировать на него собственные запросы обновления. В такой модели Игорь является «посредником-мифотворцем», приход которого активизирует процессы коллективного рефлексирования и становится началом трансформаций, которые, однако, происходят не благодаря «чуду». В этой связи то «несоответствие» Игоря традиционному образу Махди становится художественным инструментом, демонстрирующим именно трансформацию архетипа в транскультурной реальности.

Таким образом, справедливо заключить, что подобная трансформация и «осознание» Игоря подтверждает метафорическую природу его «мессианской» функции. Подобный переход демонстрирует, что смысловое сближение героя с образом Махди является культурной необходимостью времени, в связи с которой общество наделяет его ролью того, кто способен удержать внимание на болезненных точках реальности.

При этом желание Игоря остаться становится знаком внутреннего принятия этой функции и готовности человека быть внимательным, ответственным и честным перед другим культурным миром.

Данные особенности позволяют говорить о повести «Крылатая невеста Махди» как о примере текста транскультурного пространства, к которому, по мнению исследователей, тяготеет вся современная русскоязычная литература Казахстана: «современный казахстанский реалистический рассказ обращается к феномену «сдвига ценностной системы»», который характеризуется, в первую очередь, взаимопроникновением культур (Тилеубай, 2023: 184).

Заключение

Проведённый анализ повести Ильи Андреевича Одегова «Крылатая невеста Махди» демонстрирует её как значимый пример формирования транскультурного пространства в русскоязычной литературе Казахстана. Настоящее исследование позволяет заключить, что одеговский текст не просто демонстрирует взаимодействие различных культурных кодов, но и выстраивает целую систему переходов и различного характера смысловых «наложений», характерных для пограничной художественной реальности современного Казахстана.

Также в ходе исследования было выявлено, что предложенное в научной среде понятие «транскультурной литературы» отражает многомерность и гибридную природу художественного опыта русскоязычных писателей Казахстана, в связи с чем именно через её транскультурность было проведено исследование глубинных смыслов повести И. Одегова «Крылатая невеста Махди». Зоной смыслового напряжения и метафорическим центром повествования становится образ Махди, проходящий в тексте через призму местных ожиданий, религиозных представлений, советско-постсоветских травм и индивидуальной мифологизации. Замещение здесь сакрального

архетипа фигурой журналиста Игоря подчёркивает, как в «пограничных» общественных структурах религиозные, культурные и социальные нарративы сплетаются, образуя новые модели интерпретации реальности. Игорь, становясь частью другого культурного пространства, отражает ключевой принцип транскультурности повести, которая репрезентирует нетрадиционную фигуру «спасителя» как социально-культурный механизм коллективного самосознания.

Таким образом, «Крылатая невеста Махди» – это произведение, в котором транскультурность выступает не фоном, а структурообразующим принципом. В тексте повести ярко проявляется то, как в условиях современного Казахстана формируются новые культурные и литературные модели, в которых культурная гибридность становится не исключением, а естественным состоянием художественной действительности. Результаты исследования также подтверждают, что творчество Ильи Одегова заслуживает более широкого теоретического осмысления в контексте современной транскультурной литературы. В то же время повесть «Крылатая невеста Махди» является важным примером того, как литература может служить пространством культурного диалога и переосмысления национальных и идентификационных границ.

Вклад авторов

Г.Р. Дуз-Оглы осуществила концептуализацию исследования, разработала методологию и подготовила первоначальный вариант статьи; Н.Т. Едренова отвечала за курирование данных, формальный анализ и визуализацию результатов; Э.А. Сейтқазы участвовала в проверке и редактировании текста.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

- Джолдасбекова, Б., Томанова, Н., Баянбаева, Ж., Азизова, А., Таттимбетова, К. (2014). Антология русскоязычной литературы Казахстана: монография. Қазақ университеті.
- Бахтиреева, У. М. (2015). Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 1(45), 94–99.
- Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. London and New York. Routledge
- Вельш, В. (1995). Разум. Современная критика разума и концепция трансверсального разума. Suhrkamp.

- Гасымова, С. Дж. (2010). Специфика «Рассказа-открытия» в творчестве С. Цвейга. *Rhema. Рема*, 1, 10–22.
- Жаксылыков, А.Ж. (2023). Развитие современной литературы. Поиски, нарративы, архетипы, концепции, текст. *Қазақ университеті*.
- Качру, Б.Б. (2012). Мировые варианты английского языка: агония и экстаз (Т. А. Иванкова, Пер.). *Личность. Культура. Общество*, 14(4), 145–165.
- Курбачёв, О.В. (2015). Транскультурация и мультикультураризм: перспективы и вызовы межкультурного диалога. *Философия и социальные науки*, 3, 51–54.
- Лейдерман, Н.Л. (2015). Русскоязычная литература – перекресток культур. *Филологический класс*. 3(41), 19–24.
- Одегов, И.А. (2020). Крылатая невеста Махди. *Intelros*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Drugba/2020_08/4.pdf (Дата использования: 12.10.2025)
- Темиргазина, З.К. (2021). Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов. *Полилингвистичность и транскультурные практики*, 1, 29–43.
- Темирова, Ж.Г., Жакупова, А.Д. (2023). Малая проза Ильи Одегова в контексте транскультурности. *Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология»*, 1(109), 65–73.
- Тилеубай, Г.К., Таттимбетова, К.О. (2023). Жанровые тенденции в развитии современного казахстанского реалистического рассказа. *Керуен*, 4(81), 174–186. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.4-14>
- Тлостанова, М.В. (2004). Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать ниоткуда. Эдиториал УРСС.
- Шафранская, Э.Ф. (2023). Буквы, память, язык: о русской транскультурной литературе. *Полилингвистичность и транскультурные практики*, 1, 55–65.
- Шафранская, Э.Ф., Гарипова, Г.Т., Кешфиidinov, Ш.Р. (2024). Транскультурная литература XXI века: учебное пособие для вузов. Юрайт.

References

- Zholdasbekova, B., Tomanova, N., Baianbaeva, Zh., Azizova, A., & Tattimbetova, K. (2014). *Antologiya russkoiazychnoi literatury Kazakhstana: Monografiya* [Anthology of Russian-language literature of Kazakhstan: A monograph]. Qazaq universiteti. (In Russian)
- Bakhtikireeva, U. M. (2015). Russkoiazychie kak aktual'naia mezhdistsiplinarnaia problema [Russian-language use as a relevant interdisciplinary problem]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, 1(45), 94–99. (In Russian)
- Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. Routledge.
- Welsch, W. (1995). *Razum. Sovremennaia kritika razuma i kontseptsii transversal'nogo razuma* [Reason: Contemporary critique of reason and the concept of transversal reason]. Suhrkamp. (In Russian)
- Gasymova, S. Dzh. (2010). Spetsifika “rasskaza-otkrytiia” v tvorchestve S. Tsveiga [The specificity of the “discovery story” in S. Zweig’s works]. *Rhema*, 1, 10–22. (In Russian)
- Zhaksylykov, A. Zh. (2023). *Razvitie sovremennoi literatury. Poiski, narrativy, arkhetypy, kontseptsii, tekst* [The development of contemporary literature: Searches, narratives, archetypes, concepts, text]. Qazaq universiteti. (In Russian)
- Kachru, B. B. (2012). Mirovye varianty angliiskogo iazyka: agoniia i ekstaz [World varieties of English: Agony and ecstasy] (T. A. Ivankova, Trans.). *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 14(4), 145–165. (In Russian)
- Kurbachev, O. V. (2015). Transkul'turatsiia i mul'tikul'tarizm: perspektivy i vyzovy mezhkul'turnogo dialoga [Transculturation and multiculturalism: Prospects and challenges of intercultural dialogue]. *Filosofii i sotsial'nye nauki*, 3, 51–54. (In Russian)
- Leiderman, N. L. (2015). Russkoiazychnaia literatura–perekrestok kul'tur [Russian-language literature as a crossroads of cultures]. *Filologicheskii klass*, 3(41), 19–24. (In Russian)
- Odegov, I. A. (2020). Krylataia nevesta Makhdi [The winged bride of Mahdi]. *Intelros*. http://www.intelros.ru/pdf/Drugba/2020_08/4.pdf (In Russian)
- Temirgazina, Z. K. (2021). Transkul'turnost' i ee proiavlenie v poetike liricheskikh tekstov [Transculturality and its manifestation in the poetics of lyric texts]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, 1, 29–43. (In Russian)
- Temirova, Zh. G., & Zhakupova, A. D. (2023). Malaia proza Il'i Odegova v kontekste transkul'turnosti [Ilya Odegov’s short prose in the context of transculturality]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya “Filologiya”*, 1(109), 65–73. (In Russian)
- Tileubai, G. K., & Tattimbetova, K. O. (2023). Zhanrovye tendentsii v razvitii sovremennogo kazakhstanskogo realisticheskogo rasskaza [Genre trends in the development of the contemporary Kazakhstani realist short story]. *Keruen*, 4(81), 174–186. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.4-14> (In Russian)
- Tlostanova, M. V. (2004). *Postsovetskaia literatura i estetika transkul'turatsii. Zhit' nikogda, pisat' niotkuda* [Post-Soviet literature and the aesthetics of transculturation: Never to live, nowhere to write from]. Editorial URSS. (In Russian)
- Shafranskaia, E. F. (2023). Bukvy, pamiat', iazyk: o russkoi transkul'turnoi literaturе [Letters, memory, language: On Russian transcultural literature]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, 1, 55–65. (In Russian)
- Shafranskaia, E. F., Garipova, G. T., & Keshfidinov, Sh. R. (2024). *Transkul'turnaia literatura XXI veka: Uchebnoe posobie dlia vuzov* [Transcultural literature of the 21st century: A university textbook]. Jurait. (In Russian)

Сведения об авторах:

Дуз-Оглы Гульнар Руслановна (автор-корреспондент) – PhD докторант, КазНУ имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: duzoglyg@gmail.com).

Едренова Назгуль – PhD-докторант, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: nedrenova5@gmail.com).

Сейтқазы Эльмира Амангеліқызы – магистр, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: seytказы.elmira@gmail.com).

Авторлар туралы мәлімет:

Дуз-Оглы Гульнар Руслановна (корреспондент-автор) – PhD-докторант, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: duzoglyg@gmail.com).

Едренова Назгуль – PhD докторант, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: nedrenova5@gmail.com).

Сейтқазы Эльмира Амангелдіқызы – магистр, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: seytказы.elmira@gmail.com).

Information about the authors:

Duz-Ogly Gulnar Ruslanovna (corresponding author) – PhD student, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: duzoglyg@gmail.com).

Edrenova Nazgul – PhD student, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: nedrenova5@gmail.com).

Seytkazy Elmira – Master, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: seytказы.elmira@gmail.com).

Поступила: 12 декабря 2025 г.

Принята: 15 марта 2026 г.